Валерий Вьюхин

Земное небо

Первая книга в столице

14/10-15-Конечн
162
14/2 - Саббото

97
08

Валерий
Вьюхин

Земное небо

Стихи

Ун

Москва · 1982

Р2
В96

Вьюхин В. Н.

В96 Земное небо: Стихи / Предисл. В. Сидорова. — М.: Современник, 1982. — 46 с. — (Первая книга в столице).

Валерий Вьюхин работает бортмехаником в аэропорту Сыктывкара. Заочно он окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Профессия авиатора стала главной темой его творчества. Именно стихи об авиации вызывают наибольший интерес яркими деталями, живым поэтическим чувством.

В $\frac{4702010200-232}{М106(03)-82}$ 172 — 82

ББК84Р7
Р2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1982 г.

О жизненной судьбе Валерия Вьюхина гадать не приходится. Его биография запечатлена в строчках стихов отчетливо и конкретно. Характер его летной профессии позволяет ему с полным правом заявить:

И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

В книге все подчинено единой ключевой теме. Не случайна внутренняя последовательность замыслов и поэтических образов. В единый ряд становятся стихи о первых шагах авиации («появилась ты под овации, словно трюк циркача») и стихи, рисующие впечатляющую картину современного аэродрома («вдали блестит бетона полоса, как Млечный Путь, упавший на равнину»).

Поэзия В. Вьюхина достаточно разнообразна. Можно отметить стихи об Урале, о полярном острове Диксон, о вологодской деревне, где прошло детство поэта. Но мысль автора тяготеет к одному и тому же центру, она вновь и вновь возвращается к своему истоку:

Так кто ж из нас не обернется
На пролетевший самолет?

А воспоминания о детстве интересны тем, что в них отразилась устремленность мальчика, мечтающего о небе:

...А ты помнишь шальные качели
На березах твоих и столбах?
Парашютами юбки шумели,
Хохотали девчонки —
Ах!

На качелях взлетали мальчишки
В поднебесье — была не была!

И парили над ними пальтишки, —
Две полы, два коротких крыла.

Словом, налицо цельность поэтического характера, верность автора своей теме. В этом читатель может убедиться, познакомившись с книгой, в названии которой соединились высь и земная основа.

Валентин СИДОРОВ

* * *

Небо, что же ты мне нашептало?
Я, как другу, поверил тебе,
И поэтому значишь не мало
Ты в моей беспокойной судьбе.

Петухи час урочный пропели,
Колокольчики звенькнули вслед.
Я с тобой подружился, пропеллер,
И влюбился в заоблачный свет.

Помня запах растущего хлеба,
Я грустил о заре полевой,
Только вот захотелось до неба
Дотянуться крестьянской рукой.

Только вот захотелось изведать
Риск и прелесть больших скоростей,
Отлетать за отца и за деда,
За деревню мою и друзей.

Аэродром

В оврагах оседает серый снег,
А здесь свои привычные заботы:
Начав с ужасным грохотом разбег,
Взлетают и взлетают самолеты.

И день, и ночь гудит аэродром,
Зовет к себе манящими огнями.
Земля от гула ходит ходуном,
Земля дрожит заметно под ногами.

Вокруг звучат земные голоса,
Ласкает взгляд привычная картина —
Вдали блестит бетона полоса,
Как Млечный Путь, упавший на равнину.

Я ухожу, моторный перезвон,
Протяжный грохот слышатся вдогонку,
А впереди далекий горизонт
Багровой птицей метит на бетонку.

Ночные самолеты

Когда от края и до края
Природа в сон погружена,
Кого-то сверху окликая,
Гудит басóвая струна.

Я выхожу на луговину,
На зыбкость стынущей травы,
И, к небу голову закинув,
Внимаю звукам громовым.

И сердце вдруг среди покоя
Сожмет знакомою тоской —

И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

И мне понятно и знакомо
То ощущенье волшебства,
Когда бетон аэродрома
Натянут, словно тетива.

Голос Земли

В зеленое платье одета,
С цветами таежных озер,
Сияет под нами планета,
А край горизонта остер.

Мы отданы небу и шири,
Мы мчимся по сини страны,
И реки не очень большие
С истока до устья видны.

Пейзаж дорогой и неброский
По всем четырем сторонам,
То северный говор, то волжский
В наушниках слышится нам.

И скорости, и перегрузки
В привычный поставлены ряд,
Планета и небо по-русски
Давно меж собой говорят.

* * *

Нас тяготения оковы
Поймали, словно невода.
И каждый взлет еще — рисковый,
И возвращенье — не всегда.

Как будто с небом связь порвется,
На землю кто-то упадет.
Так кто ж из нас не обернется
На пролетевший самолет?

Частица нашего, земного
Летит звезде наперерез.
О, как для нас он значит много,
Как мало значит для небес.

Не потому ль у наших женщин
Такие грустные глаза,
Когда, до крестика уменьшен,
Он прорезает небеса?

Фотография

Тот день был жаркий,
Летний самый,
От зноя листья
В трубочки свило,

За много верст
Меня водила мама
К фотографу
В районное село.
И вот фотограф
Без расспросов лишних
Достал старинный аппарат,
И вскоре
Карточку мальчишки
Послали
В грозный Сталинград.

Отец все шел
Дорогой ратной
И на заре упал в бою...
Его товарищи
Обратно
Прислали карточку мою.
Во мне жива
Любовь сыновья,
И до сих пор
Я бережно храню
Отцовскою
Отмеченную кровью
Ту фотографию свою.
И как бы путь мой
Ни был долог,
Я буду помнить,
Помнить до конца,
Что и в меня
Попал осколок —
Кусок железа,
Что убил отца.

Снимки

Не всех положили
под траурный мрамор...
Но, честно исполнив
суровый приказ,
С простенков России
из стареньких рамок
Погибшие воины
смотрят на нас.
Линяют на стенах
обои цветные,
Меняется жизни
привычный уклад,
И только солдаты,
навек молодые,
С родимых простенков,
как прежде, глядят.
Народная память —
вот жизни оценка...
Прожить бы не зря
и не зря умереть,
Чтоб не было стыдно
с родного простенка
В людские глаза
через годы смотреть.

Трофей

Зенитным скошенный снарядом,
По-лягушачьи, на живот,
На луг с деревней нашей рядом
Упал немецкий самолет.

В деревне думали, рядили,
Куда пристроить этот хлам,
И потихоньку растащили
В дворы и избы по частям.

И вот уже на том дюрале,
Где намалеваны кресты,
Устало женщины стирали
Ребячьи драные порты.

Мой дед смотрел на это косо,
Но не стерпел, пошел и сам,
Ему достались лишь колеса
Да кое-что по мелочам.

Потом смотрели, рты разинув,
Старухи, бабы, старики,
Когда трофейную резину
Мой дед пустил на каблуки.

И я, не кормленный досыта,
Обуткой странною гордясь,
Литой резиной «мессершмитта»
Месил проулочную грязь.

Сверстникам

Бывает, в преддверье зимы
Проклюнется позднее семя,
Вот так появились и мы
Не в самое лучшее время.

Мы, дети последней войны,
Познали сполна лихолетье,
И все же дожить мы должны
До нового тысячелетья.

Быть может, природою в нас
Заложены сильные гены
С прицелом на долгий запас,
С расчетом на все перемены.

Природа в поступках права,
Она не допустит промашки,
Не верится все же в слова,
Что мы родились не в рубашке.

И вот уж к своим сорока
Подходит мое поколенье,
Так бурная прежде река
В спокойное входит теченье.

И пристально если взглянуть,
Гордиться нам вроде бы нечем,
Поскольку немалый уж путь
Особым ничем не отмечен.

Сыновние чувства к стране
Доказывать нужно на деле.
Не выросли мы к целине,
А к БАМу уже постарели.

Но собственной совести суд
К делам и поступкам все строже:
От нас уже большего ждут
И мы уже большее можем.

Качели

Деревушка моя на отшибе,
Ты ль не лучшая средь деревень?
На домах твоих новенький шифер,
Словно кепки сползли набекрень.

А ты помнишь шальные качели
На березах твоих и столбах?
Парашютами юбки шумели,
Хохотали девчонки —
Ах!

На качелях взлетали мальчишки
В поднебесье — была не была!
И парили над ними пальтишки, —
Две полы, два коротких крыла.

* * *

Полынный дух, густой и горький,
Плывет по скошенным лугам,
А за деревней по пригорку
Бежит чернявый мальчуган.

Куда бежит, пойди узнай-ка,
Такого разве догоню!

Его сиреневая майка
Упала в рожь, как в полынью.

Вдали, где рек крутые бивни
Терялись в скошенной траве,
Вдруг грянул грохот реактивный
И покатился в синеве.

Мечтал мальчишка о полете,
Завороженно недвижим,
Казалось, что земля, как плотик,
Качалась медленно под ним.

И он, курносый, улыбался,
Ветрами летними продут,
А за спиной его качался
Ржаного поля парашют.

* * *

В небе лучшая трасса —
Над родимым крыльцом,
На обрез плексигласа
Наплывает мой дом.

Он на нитке дороги
Алой каплей висит.

Может быть, на пороге
Мама смотрит в зенит?

С рук не сходит котенок,
Тихо ластится к ней,
Серой лапкой спросонок
Намывая гостей.

До обидного рядом
Стороной пронесет,
Над крылечком и садом,
Скорость — за девятьсот.

По рассыпанным зернам
Желтоватых ракит
Мимо облачком черным
Тихо тень пролетит.

Лишь, протяжен и тонок,
В небе слышится звук,
И у мамы котенок
Выпадает из рук.

Колодец неба

Только звук останется и звонко
Упадет за мною на траву,
Голубую ленту горизонта,
Словно паутинку, оборву.

Самолет немного покачнется,
Понесет меня по виражу,
Как в провал огромного колодца,
Я с небес на землю погляжу.

Подо мною все не настоящее:
Мирно дремлют копны старых гор
И река, как будто синий ящер,
Заползает в логово озер.

И плывут внизу косынки елей,
Отходя неспешно от реки,
Просеки, как нити параллелей,
Пролегли на зелени тайги.

* * *

Синеглазая
авиация,
Синь петлиц у плеча,
Появилась ты
под овации,
Словно трюк циркача.
Гнулись дугами
крылья узкие,
Для небес тяжела,
Ты по капельке
в каждом мускуле
Силы впрок берегла.

Лишь мечтала
о невесомости,
Но уже смельчаки
Выжимали
такие скорости,
Что ломило виски.

Небо

Нужны здесь крепкие нервы
И верный, спокойный глаз,
Бывало, что небо в первый
И сразу в последний раз.

Мы видели небо разным,
Прекрасным, суровым и злым,
Бывало оно опасным,
Непостижимо шальным.

Но с небом мы все ж не в ссоре.
Ни громко и ни тайком,
В любом, даже злом, разговоре
Мы, небо, тебя не клянем.

Мы знаем — твои повадки
Бывают еще круты,
Но все искупает сладкий,
Щемящий вкус высоты.

Сквозь облака

Гудело и дрожало
Горячее крыло,
Как лезвие кинжала,
Сквозь облако прошло.

По разогретым стеклам,
Летящим напролом,
Хлестало паром блеклым,
Как ситцевым платком.

И, кажется, шипело
От скорости крыло,
В кабине потемнело,
Как солнышко зашло.

Мы потеряли в гуле —
Где небо и земля,
Как будто нас втолкнули
Под шубу февраля.

Но шубу разрывая
Уверенным крылом,
Мы прямо в царство мая
Взлетим над февралем.

И след оставив пенный,
Неведомым путем
По зеркалу Вселенной
Мы тихо поплывем.

Деревня

Ты столетья стоишь на угоре,
На широкую глядя реку,
Ты немало крестьянского горя
На своем повидала веку.

Но теперь, на глазах молодея,
Ты мечтаешь уже о другом —
Словно вняв волшебству чародея,
В небо тянется каждый твой дом.

Я-то знаю, как утренней стынью
На сугробах заструги остры,
Это белые тонкие крылья
Выпускают на волю дворы.

Я-то знаю: дома, как невесты,
За околицу грустно глядят,
И мелькают в окне занавески,
Словно пара ручных лебедят.

И тебе, столь земной, быть крылатой
Тоже, видно, желанье пришло.
А пока я, твой сын и глашатай,
На твое опираюсь крыло.

* * *

Не все состоялось,
Не все состоится...
Быть может, и наша вина,
Что счастья земного
Прекрасная птица
Не часто гостит у окна.
Не часто повеет
Теплом и покоем,
Тревожной душою скорбя,
Мы это от лиц
Любознательных скроем,
Но можно ли скрыть от себя?
Бывает, осудят нас
Добрые люди,
Забудется их приговор,
Мы сами себе
Адвокаты и судьи,
И каждый себе прокурор.
Пусть собственный суд
Не всегда объективен,
Простим же издержки ему,
Ведь каждый из нас
Не настолько наивен,
Чтоб верить ему одному.

Колодец

Над замшелостью сруба —
Для ведерка клюка,
Все сработано грубо,
Но зато на века.

Может, это не капли
Там стучат в тишине,
А булатные сабли
По кольчуге-броне?

Или красные кони
В перестуке подков
От свирепой погони
Вдаль несут седоков?

Как бы время ни мчалось,
Отметая беду,
Забывая усталость,
Я к колодцу приду.

Чтоб услышать, как где-то
Застучит в тишине
То ли сердце планеты,
То ли сердце во мне.

Полярный Урал

Знакомы мне холмы береговые,
Высоких гор еще я не видал,
И вот, смятенный, я стою впервые
Перед тобой, стареющий Урал.

Уходят вдаль суровые порядки
Твоих вершин, что дики и остры,
Они стоят как вечные палатки,
Как воинства российского шатры.

Мне говорят, что ты не в прежней силе,
Развеян ветром и размыт дождем.
Неправда! Подпоясана Россия
Твоим литым железным кушаком.

Стога

Здесь сыростью тянет с луга,
Прохладные дали тихи,
Здесь воздух осенний туго
Наполнил земные мехи.
Листвы желтоватая пена
Слетает в холодных ветрах,
И стоят на пустынных лугах
Купола золотистого сена.

Сейчас заметают их листья,
Потом заметут снега,
И хитрая морда лисья
Нырять будет в их бока.
Подышит ромашковым летом,
Согреет лисица нос,
Умчится в январский мороз,
Мелькнув золотистым жилетом.

Потом с бубенцом под дугою
Приедет сюда человек,
Он молча со стога рукою
Отбросит скрипучий снег.
Очнется от белого плена,
Задышит трава тепло,
И со звоном поедет в село
Копна золотистого сена.

* * *

Теплом последним все согрето,
Вожак скликает в стаю птиц,
Уходит северное лето
И гасит отблески зарниц.

Вот так же, вся еще во власти
Веселья в праздничные дни,
С улыбкой женщина погасит
В утихшей комнате огни.

Ожидание

Мы стоим и мерзнем
У реки вдвоем,

На рассвете позднем
Перевоза ждем.

В тайной ли надежде,
Что у этих вод
Пылкое, как прежде,
Чувство оживет?

Но не станет новой
Порванная нить,
Невозможно словом
Чувство воскресить.

* * *

А я не рад, совсем не рад
Деревьям голым в нашей роще,
Не осень это, это проще —
В лесах лютует листокрад.

Он едет мимо деревень,
Всегда под шапкой-невидимкой,
А позади летучей дымкой
Его оранжевая тень.

Рассвет

Кряхтел за ужином:
— Силенок нет
И по годам —
Давно уж осень,
Но тянет
Посмотреть рассвет
В лесных лугах
На сенокосе.

И в это утро старина
Не улежал в своей постели,
Пошел в луга.
Из росной колыбели,
С горячего
Невидимого дна
Вставало солнце —
Непричесано,
Еще румяное со сна.
Вдали,
Над солнечными плесами,
Рассвет дымился,
Влагой напоен,
И было слышно,
Как на дальний водоем
Спешили утки,
Шелестя крылами.
Роса искристо
Осыпалась под ногами,
Пищали птицы
В гнездах полусонно,

И во всю мощь
Скрипел стволом подсолнух,
Ворочая иконной головой.
В лугах коростели
Кричали вразнобой,
И все цвело,
И все благоухало,
Над каждым косогором трепетало
Зеленое полотнище берез.
Вокруг смотрел он
Долго и всерьез,
Ему еще чего-то не хватало
Среди озер,
Невыкошенных трав,
В разгаре удалого сенокоса.
И вдруг, на боль,
На годы наплевав,
Он, как мальчишка,
Побежал с откоса.

* * *

Опять идут дожди косые —
И полнозвучны, и легки.
По лужам мальчики босые
Опять бегут вперегонки.

Лишь только им да ветру впору
По лужам мчаться наугад.

К рябой воде по косогору
Несется русый водопад.

Он в волны падает без страха
И растворяется в реке,
И только мокрая рубаха
Белеет пеной на песке.

Шаги осени

Листвою лето отшумело,
Забылось долгим, тихим сном,
И осень ранняя несмело
Крадется в холоде ночном.

И все яснее слышит взмахи
Крыла отлетного земля,
И в полинявшие рубахи
Оделись утром тополя.

Отягощенно и белесо
Туман клубится на лугах,
Плутает осень в чаще леса,
Сбивая листья впопыхах.

Юная актриса

Ты, в старом застиранном платье,
Еще неуклюже порой,
Играешь в народном театре
Впервые заглавную роль.

Нисколечко нету кокетства,
Всем обликом юным светла,
Ты, кажется, прямо из детства
На эти подмостки взошла.

Как будто за эти мгновенья
В тебе прошумели года,
Высокий огонь озаренья
Взметнула чужая беда.

В тебе, не страдавшей покуда,
В тебе, не любившей всерьез,
Взошло это светлое чудо
С печалью недевичьих слез.

Но эти слезинки остынут,
Упав на чужое плечо,
Еще настоящие хлынут
Мучительно и горячо.

Не встретишь ли ты их спокойно,
Уже пережитых игрой,

Душе твоей будет ли больно
От боли своей, не чужой?

Загадывать рано, а стены
Опять от оваций дрожат,
Когда ты уходишь со сцены
Неправильно и невпопад.

Слезы

Все слезы нечего равнять,
А слезы детские тем боле,
Одним слезу осушит мать,
Другим осушит ветер в поле.

Вот плачет девочка навзрыд
У деревенского детдома,
Косичка тонкая дрожит,
Как пересохшая солома.

Как будто жизнь на волоске —
Такая боль в глазах недетских,
Бегут слезинки по щеке,
И никуда от них не деться.

Бегут слезинки на халат,
На ситец розовый казенный,

В пыль придорожную летят,
Перестоявшие, как зерна.

Конечно, вырастет она,
Как все когда-то вырастали,
Но все же чья-то есть вина
В ее теперешней печали.

Еще сошьет себе наряд,
И дорогой, и модный самый,
Но не забыть ей про халат,
Надетый на нее не мамой.

Тихая сторона

Деревню мою обогнула
Шершавая лента шоссе,
Лишь отзвук далекого гула
В густом оседает овсе.

Заедет машина иная,
Безбожно проселком пыля,
И, долго о том вспоминая,
В сторонке ворчат тополя.

И снова пустынна дорога,
Заполнила пыль колею,

И серая туча нестрого
Глядит на деревню мою.

На избы ее и болота,
Что сразу за крайней избой,
На речку, что в гуще осота
Лежит, словно шарф голубой.

* * *

Я жгу наши письма от страха,
Что вдруг через много лет
Среди позабытого праха
Их грустный отыщется след.

Найдет их какой-нибудь старец
И скажет, листы теребя,
Что был я душою скиталец,
Что мало любил я тебя.

Я прежде высокое небо
И дружбу мужскую ценил.
И правда, что ласковым не был,
На нежность не тратил чернил.

Исправить бы нынче ошибку
И хоть в середине пути

Улыбку, и только улыбку,
Тебе каждый вечер нести.

Нести затаенную ласку,
Что с жизнью дала моя мать,
Но, видно, известную сказку
По-новому не рассказать.

Летние грозы

Как грозы стали пунктуальны,
Который день,
как на заказ,
Вдруг раздается
рокот дальний
И надвигается на нас.

Темнеет день,
как на закате,
И, не дождливые пока,
Все ближе тучи,
все лохматей
Отяжелевшие бока.

Оцепенением объята,
Природа выбилась из сил,
И клен, как маленького брата,
Листвою мальчика укрыл.

А молний яркие зигзаги
Кромсают небо на куски,
Как будто там стальные шпаги
Скрестили давние враги.

Следы

Любимая,
вот будет таять снег,
Сосновый бор
к весне зарозовеет,
Сюда ручьи
сбегутся на ночлег,
А утром
побегут еще резвее.
Они размоют
нашу колею,
Изроют все
холодными носами,
Где проложили
мы тропу свою,
Там ничего заметного не станет.
Все заровняет
вешняя вода,
Она на то
большая мастерица.
И неужели
больше никогда
Хорошее для нас не повторится?

Не повторится
искоса твой взгляд,
Все то, чему я придавал значенье?
Любовь не вечна в мире,
говорят,
Но неужели мы не исключенье?

Белая ночь

Ни кистью,
ни словом,
ни звуком
Не выразить времени ход,
Когда эта ночь переулком
На цыпочках тихо идет.

Не скрипнет калиткой тихоня
И след не оставит в пыли,
Но, что-то почуяв спросонья,
В траве завозились шмели.

Вода холодна, неподвижна,
К ней липнет, склоняясь, трава,
И все так отчетливо видно,
Что днем замечалось едва.

В березах на каждой поляне
Прибавили будто «свечей».
Нисходит на мир обаянье
От северных белых ночей.

Отчий дом

Я спешу не любопытства ради
В этот край завьюженных дорог,
Только здесь, в родительской ограде,
Сохранился детства уголок.

За окном серебряною льдинкой
Облетает осень с проводов,
Как бывало, с клюквенной начинкой
Напеки-ка, мама, пирогов.

И за самоваром, за которым
Так приятно время коротать,
Мы полечим душу разговором
Или можем просто помолчать.

И, конечно, в грусти обоюдной
Мы с тобой подумаем о том,
Что не шумно и не многолюдно
За старинным дедовским столом.

Словно с кленов листья без разбора,
Жизнь родную избу отрясла,
И теперь, я думаю, не скоро
Снова тесно будет у стола.

* * *

Ребята неприметных деревень,
Повсюду я встречаю ваши лица.
Махнув однажды в детстве за плетень,
Мы не могли на том остановиться.

По всей земле, как улицей села,
Мы шли вперед походкою степенной,
Лесная сказка бережно вела
По небесам, по морю, по вселенной.

Без нас шумели тихие леса,
Без нас качались песни над рекою.
Ракеты поднимались в небеса,
Сработанные нашею рукою.

Привыкшая, казалось, к топору,
Рука теперь упрямо привыкала
К простору белых ватманов, к перу,
К прохладе самолетного штурвала.

Все было так, но в буднях бытия
К нам приходило прошлое нежданно
Со звоном струй весеннего ручья,
Со сладковатым привкусом тумана.

За пультами огромных кораблей
Мы, забываясь, бредили деревней,
Где мир вокруг просторней и светлей,
А речь людей и проще, и напевней.

* * *

Как коврики средь горницы,
Проталинки в снегу —
Весна с зимою борется
На солнечном лугу.

Еще сильней косматая,
Но скоро ей конец,
Девчонка конопатая
Стрижет ее овец.

Та шерстка не на валенки,
На звонкий ручеек,
И вот уже проталинка
На солнце греет бок.

Под ледяною кромкою
Журчит веретено,
Из снега нити звонкие
Прядет, прядет оно.

На реке

Здесь склоненные ивы
Над синей водой,
Здесь прохладно
И ветрено-звонко,

И от берега к берегу
Смех молодой
Пролетает
Беспечным стрижонком.
И крылами касаясь
Спокойной воды,
Будит он
Засыпающий омут,
Где на листьях кувшинок
Три желтых звезды
До холодных ночей
Не утонут.
Щука тускло мелькнет
Голубым плавником,
Лунный свет
Испускают сороги,
И стыдливый июнь
За кустами тайком
Плещет воду
На белые ноги.
Вьются стайкой стрекозы,
Шуршат камыши,
Под корягу
Запрятался жерех,
Облаков отраженных
Пустые ковши
Задевают боками о берег.
Коршун круто кладет
Над рекой виражи,
Словно издали
Чувствует это:
Золотистым цыпленком
У синей межи
В листья спряталось
Раннее лето.

Гроза

Ни ласточки, ни галки, ни скворца —
Пустынен мир без зверя и без птицы,
Пространство, что, казалось, без конца,
Вдруг обрело размеры и границы.

Деревья оседают у плетня,
Листы к ветвям прихлопывает ливень,
Но все светлей на сердце у меня,
И с каждым громом дышится счастливей.

Водой летящей я заворожен,
Она все звуки гасит постепенно,
И только струй непобедимый звон
Размашисто гуляет по вселенной.

Сеновал

Я люблю бывать на сеновале,
Думы здесь прозрачны и чисты,
Нынче в сене вновь зазимовали
На лугах взошедшие цветы.

Я сижу в безмолвии глубоком,
Осторожно сено вороша,
Словно здесь зарыта ненароком
Золотого августа душа.

Чуть скрипят высокие стропила,
А под ними ранний полумрак,
Целый день на улице кропило
И теперь не кончится никак.

Звук такой, как будто за стеною
Кто-то жнет затупленным серпом,
За окошком пылью водяною
Затянуло тусклый окоем.

Птичий клин, как ниточка продета,
На небесном тянется холсте,
Песню уплывающего лета
Журавли курлычут в высоте.

Полдень

Ты заходила в воду не боясь,
Забыв на миг заботы и усталость,
Речной волны затейливая вязь
Вокруг тебя заботливо смыкалась.

Но ты рвала речное кружевцо,
И повисали капельки на теле,
Ах, как смеялось милое лицо,
Как волосы прозрачные летели.

Есть у любви заветная пора
Полупризнаний и полуулыбок,
Любовь еще и тайна, и игра,
А позади нет горечи ошибок.

И ты пугаешь смехом камыши,
А я твое выкрикиваю имя,
Как будто нет на свете ни души
И все вокруг означено двоими.

Для нас вода — парное молоко,
Для нас — на берег падающий
полдень.

А до зари вечерней далеко,
А ковш любви еще полузаполнен.

* * *

Золоченую уздечку
В воду бросила луна.
Говорят, что эту речку
Звери выпили до дна.

Затерялась и пропала
Говорливая река
Среди веток краснотала,
Между листьев тростника.

Лишь осталась, как отрада,
В шумных дебрях камыша
Стародавняя прохлада —
Речки высохшей душа.

Да в низинах остаются
Речки сказочной следы,
Голубые лужи — блюдца
Застоявшейся воды.

Если дома затоскую,
То в лесную благодать
Я уздечку золотую
Ухожу тогда искать.

Чую сердцем, золотая
Та уздечка — для меня,
Только ею зауздаю
Я крылатого коня.

Родина

Земля лежит под снежною рогожей,
Поближе к югу тоньше матерьял,
В лесах у нас, веселый и пригожий,
Под ручку с елью ветер загулял.

И тихо так на белом бездорожье,
Что даже звук не хочется ронять,
Как никогда, с волнением и дрожью
Тебя хочу я, Родина, понять.

Твоя душа открыта нараспашку,
Как луговой пастушеский шалаш,
С себя другим последнюю рубашку
Ты, не торгуясь, весело отдашь.

Хотя давно с законами коммерций
Ты стала жить в согласье и ладу,
Но русское отзывчивое сердце
Чужую чутко чувствует беду.

Тяготение

Как трудно оторваться от земли,
Она и мы что спаянные звенья.
Отчаянные головы смогли
Смирить закон земного тяготенья.

Но все равно, когда мы улетим,
Нас ждет с землей свидание, как милость,
Ведь связь нерасторжимая с земным
У нас в душе навеки затаилась.

Нас тянет луг и шумная вода,
Деревьев гул и жаворонка пенье.
Я вижу символ — тополь и звезда,
Когда заходит речь о тяготенье.

Друзьям

Поднимаются невесомо
И, на белом крыле скользя,
Улетают с аэродрома
Дорогие мои друзья.

Клин упругого лонжерона
Режет воздух наискосок,
От моторного перезвона
Листья падают на песок.

Басовитая льется нота
Реактивной крутой струи,
А в кабине своя работа
И обязанности свои.

Уплотненное до предела
Время втиснуто под стекло,

На штурвале рука замлела,
Словно судорогой свело.

След белесой тугой поземки
Остается от корабля,
Как в замедленной киносъемке
Поворачивается Земля.

А бетонка в окрестном лесе,
Словно тропочка по жнивью,
Упирается в поднебесье,
Как в огромную полынью.

Российская земля

Пока живу на свете белом,
Пока струится кровь моя,
Принадлежу душой и телом
Тебе, российская земля.

Без обязательств и условий,
Без оговорок — весь я твой,
Немало родственной мне крови
С твоею связано судьбой.

Привык быть в радости и в горе
С тобой, родная сторона,
В твоем стремительном глаголе
Вся жизнь моя заключена.

СОДЕРЖАНИЕ

3 Предисловие В. Сидорова
5 «Небо, что же ты мне нашептало?..»
5 Аэродром
6 Ночные самолеты
7 Голос Земли
8 «Нас тяготения оковы...»
8 Фотография
10 Снимки
10 Трофей
11 Сверстникам
13 Качели
13 «Полынный дух, густой и горький...»
14 «В небе лучшая трасса...»
15 Колодец неба
16 «Синеглазая авиация...»
17 Небо
18 Сквозь облака
19 Деревня
20 «Не все состоялось...»
20 Колодец
21 Полярный Урал
22 Стога
23 «Теплом последним все согрето...»
23 Ожидание
24 «А я не рад, совсем не рад...»
25 Рассвет
26 «Опять идут дожди косые...»
27 Шаги осени
28 Юная актриса
29 Слезы
30 Тихая сторона

31 «Я жгу наши письма от страха...»
32 Летние грозы
33 Следы
34 Белая ночь
35 Отчий дом
36 «Ребята неприметных деревень...»
37 «Как коврики средь горницы...»
37 На реке
39 Гроза
39 Сеновал
40 Полдень
41 «Золоченую уздечку...»
42 Родина
42 Тяготение
43 Друзьям
44 Российская земля

Валерий Николаевич Вьюхин

Земное небо

Стихи

Рецензент **Ю. Денисов**

Редактор **А. Волобуев**

Художник **И. Филиппов**

Художественный редактор **А. Никулин**

Технический редактор **Л. Дунаева**

Корректоры **В. Дробышева, Л. Немтинова**

ИБ № 2512. Сдано в набор 07.01.82. Подписано к печати 24.08.82. А13018. Формат 70×90/32. Гарнитура нов. газ. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 1,76. Усл. краск-отт. 2,02. Уч.-изд. л. 1,52. Тираж 10 000 экз. Заказ 519. Цена 25 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

390012, Рязань, Новая, 69/12. Рязанская областная типография Зак. 519.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержани художественном оформлении и полиграф ческом исполнении, направлять по адрес 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4. Издательство «Современник»

ни
ф
ес

25 коп.

ОДНОЙ ИЗ КНИГ СЕРИИ «ПЕРВАЯ КНИГА В СТОЛИЦЕ» БУДЕТ СБОРНИК СТИХОВ М. АХМЕДОВОЙ «ОТЧИЙ СВЕТ». МАРИНА АХМЕДОВА РОДИЛАСЬ В ЧЕЛЯБИНСКЕ. НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЖИЛА НА ЦЕЛИНЕ. В 1977 ГОДУ ОКОНЧИЛА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАБОТАЕТ В МАХАЧКАЛЕ КОРРЕСПОНДЕНТОМ. СТИХИ ЕЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ, В КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКАХ.

Современник